

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИТОГИ ДВУХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ¹

Кринко Е. Ф.

д-р ист. наук, и.о. зам. директора Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону)

MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF WORLD WAR II: TWO DECADES OUTCOME

KRINKO E. F.

В статье подводятся итоги развития современной российской историографии Великой Отечественной войны (1990–2000-е гг.). Главное внимание уделяется новым тенденциям и подходам в осмыслении военной темы, ее наиболее ключевым и дискуссионным проблемам.

The article summarizes the modern Russian historiography of World War II. Special attention is paid to new trends and approaches in the war theme apprehension; its key problems and debates.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историография, депортация, оккупация, коллаборационизм, историческая память, партизаны, эвакуация, цена победы.

Keywords: World War II, historiography, deportation, military occupation, collaboration, historical memory, guerillas, evacuation, price of the victory.

УДК 930

Изучение истории Великой Отечественной войны всегда относилось к ведущим направлениям исследовательского поиска в советской и российской историографии, о чем свидетельствует уже само количество работ на данную тему, давно перевалившее за 20 млн наименований. Накопленный исследовательский опыт не раз являлся предметом и специального анализа [1]. При этом в освещении военной темы долгое время господствовала идеология, тесно связывавшая ее с пропагандистскими задачами: главное значение историки придавали показу решающей роли коммунистической партии, прославлению фронтового и трудового подвига советских людей.

Последние два десятилетия составили новый этап в развитии отечественной историографии, существенно отличающийся от прежнего и во многом обусловленный общественно-политическими переменами, происходящими в стране, начиная со второй половине 1980-х гг. Они сказались во всех областях исторического знания, но в изучении Великой Отечественной войны изменения содержательного порядка проявились несколько позже. Первоначально в переоценке данной темы господствовала публицистика, ее «вторжение» сопровождалось эмоциональным всплеском, заполнением «белых пятен», которым раньше не находилось места в историче-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Историческое знание и его возможности в обеспечении устойчивого развития южного макрорегиона» Подпрограммы фундаментальных исследований «Проблемы социально-экономического и этнополитического развития южного макрорегиона» Программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» на 2009–2011 гг.

ских трудах. Пересмотр взглядов нередко выражался в изменении существовавших ранее оценок на прямо противоположные, «герои войны» менялись местами с «антигероями», их образы подвергались десакрализации и демифологизации.

Процесс обновления порой приобретал болезненные и противоречивые формы, отдельные исследователи заявили о своем решительном разрыве с прежними подходами, подвергнув их безоговорочному осуждению за догматизм и приверженность сталинистским взглядам [2]. В свою очередь, сторонники сохранения традиций обвиняли оппонентов в тенденциозности и «конъюнктурщине» [3]. На ход и характер дискуссий прямо влияло и политическое противостояние сторонников советского строя и новой России. Не случайно, что в эти годы так и не состоялось издание десятилетнего труда по истории Великой Отечественной войны, подготовка которого велась в соответствии с постановлением Политбюро ЦК КПСС от 13 августа 1987 г. авторским коллективом под руководством Д. А. Волкогонова, а сам он был уволен с должности начальника Института военной истории Министерства обороны СССР за «очернение советской истории».

Переход к новому этапу в значительной степени определялся изменениями в организации системы архивных учреждений страны, рассекречиванием документов и расширением доступа исследователей к источникам с начала 1990-х гг. Новые документальные публикации содержали разнообразные материалы по широкому кругу проблем военной истории. Первые публикации порой имели научно-популярный характер, журнальный формат, издание крупных трудов в первой половине 1990-х гг. сдерживалось отсутствием необходимых средств. Но к концу десятилетия возобновился выход фундаментальных серийных изданий («Русский архив» и др.), активизировалась и публикаторская деятельность в регионах.

Все это позволило оценить произошедшие перемены как формирование нового архивно-информационного про-

странства и даже «архивную революцию» [4], создавшую принципиально новые возможности для изучения военной темы. При этом изменились содержание и структура источниковой базы по истории Великой Отечественной войны: наряду с рассекреченными официальными документами стали шире использоваться различные источники личного происхождения, в том числе устные, ранее резко критиковавшиеся как менее достоверные из-за своей субъективности и пристрастности. В настоящее время они воспринимаются многими российскими историками как ценные свидетельства отражения войны в общественном сознании, позволяющие увидеть ее события глазами участников и очевидцев.

Однако с середины 1990-х гг. для работы исследователей в архивах возникли новые трудности, имеющие под собой юридическую основу. Новый правовой режим, регламентирующий охрану государственной тайны и тайны личной жизни граждан, ограничил доступ исследователей к документам. В первую очередь это касается личных дел, а также документов, характеризующих криминальную обстановку в стране и в действующей армии, аморальные поступки членов партии, урон, нанесенный действиями партизан населению, и другие негативные аспекты темы. В настоящее время исследователям, как правило, в большей степени доступны документы фондов центральных государственных архивов, более строгие ограничения действуют в ведомственных и местных, особенно бывших партийных архивах.

Положительную роль в изучении рассматриваемой темы сыграло расширение научных контактов с зарубежными авторами, появление их публикаций на русском языке в связи с прекращением «холодной войны». Развитие международных научных связей привело к разработке и реализации совместных исследовательских и издательских проектов по военной теме. В то же время работу исследователей, особенно провинциальных, в 1990-е гг. существенно затруднял разрыв научных связей внутри страны. Тем не

менее разработка темы позволила создать к концу десятилетия не только целый ряд серьезных специальных исследований, но и новый обобщающий труд по истории Великой Отечественной войны [5]. Незавершенный, переходный и дискуссионный характер складывающегося исторического знания о войне обусловил очерковую форму данной работы. Содержащееся в трех томах описание хода военных событий опирается на традиционную периодизацию истории Великой Отечественной войны. Четвертый, завершающий том посвящен проблеме «народ и война» и раскрывает как устоявшиеся, так и малоизученные сюжеты, соединяя новые оценки и факты с прежними положениями.

Несмотря на приход нового поколения историков, «освобождение» от прежних стереотипов сопровождается рождением новых мифов, в том числе связанных с процессами развития этнического самосознания. Так, нередко освещение участия того или иного народа России в Великой Отечественной войне сводилось к пересказу подвигов его представителей на фронте и в тылу. Данный подход находил свое отражение и в попытках подсчитать, какой народ внес «большой» вклад в дело победы, отличающих работы некоторых региональных историков.

Противоречивый процесс переосмысления истории Великой Отечественной войны отразило проведение научных конференций, многие из которых, как и прежде, приурочены к очередным юбилеям победы, что заведомо придает им официальный статус. Нередко на конференциях непримиримая критика в адрес «фальсификаторов войны», сопровождаемая принятием соответствующих резолюций, соседствует с призывами к решительному пересмотру ее истории, а утверждения о дружбе народов, нерушимости союза рабочих и крестьян – с описанием противоречий в духовной и политической жизни страны.

Развитие «критического» направления сопровождалось отказом ряда авторов от оценки самой войны как «Великой» и «Отечественной». Под влиянием

зарубежной историографии оно стало вытесняться названием «Вторая мировая», составной частью которой в советской исторической науке считалась Великая Отечественная война, отдельные авторы вслед за эмигрантами употребляли выражение «Вторая гражданская», подчеркивая противоречия в советском обществе военного времени. Другие историки, напротив, безосновательно расширяли содержание понятия, относя к Великой Отечественной войне предвоенные события и советско-японскую войну. Однако большинство российских исследователей использует название «Великая Отечественная война» и рассматривает ее историю в устоявшихся хронологических рамках.

Острая полемичность в освещении военной темы, неизменное присутствие в ее изучении политической составляющей объясняются не только различиями в исследовательских подходах, но и тем особым местом, которое по-прежнему занимает Великая Отечественная война в общественном сознании, политике и идеологии современной России. Об этом свидетельствует и принятое 5 мая 2008 г. распоряжение Президента Российской Федерации об издании фундаментального многотомного труда «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» и утверждение состава его главной редакционной комиссии, включающей преимущественно военных руководителей и других высших чиновников под председательством министра обороны. Рассматриваемая в качестве важного идеологического фактора, способствующего консолидации общества, победа в войне во многом продолжает сохранять свой сакральный характер, а различные табу затрудняют работу исследователей.

Тем не менее постепенно в историографии находят отражение не только пафос побед, но и трагизм поражений советских войск в годы Великой Отечественной войны. Исследователи раскрыли причины первых неудач Красной армии, связанные с репрессиями командного состава накануне войны и просчетами в процессе подготовки к ней, огромные и не всегда оправданные потери в ходе от-

дельных сражений, тяжелые судьбы советских солдат и командиров, оказавшихся в окружении и в плену, другие вопросы. Наряду с освещением битв под Москвой, Сталинградом, Курском стало больше внимания уделяться тяжелым поражениям 1941–1942 гг. [6], жизни и смерти в блокадном Ленинграде [7].

Отличительной чертой постсоветской историографии военной темы является плюрализм мнений, оценок и подходов. При этом в условиях отказа от марксистской парадигмы часть историков обратилась к позитивистской (вернее, неопозитивистской) методологии, стремясь воссоздать историю Великой Отечественной войны, «как это в действительности было», опираясь непосредственно на документы и отказываясь от каких-либо общетеоретических концепций. В результате возникло представление о том, что добиться «правдивой» истории войны можно только при «полной» доступности всех необходимых документов. Однако обращение к позитивизму расценивается как своеобразный шаг назад в методологическом отношении, поскольку не позволяет выявить скрытого смысла текстов военного времени. Чрезмерное «доверие» документам привело к тому, что все реже стали задаваться вопросы о том, «почему это было написано». По словам А. И. Филюшкина, «многие сторонники позитивизма стали просто прятаться за текстами, превращать свои работы в аннотированные хрестоматии источников, полагая, что публикуемые документы смогут говорить сами за себя» [8]. Постепенно в историографии складывается понимание того, что даже полное открытие архивов не может все прояснить без наличия определенных исследовательских принципов и методов.

Ведущим направлением в разработке истории Великой Отечественной войны в последние годы становится обращение исследователей к человеку и его поведению в экстремальных условиях военного времени. Значительно выросло количество работ, посвященных «человеческому измерению» войны, выполненных в контексте таких современных исследова-

тельских направлений, как социальная история, микроистория и особенно военно-историческая антропология [9]. Созданию более целостной картины событий Великой Отечественной войны способствует обращение к психологии и поведению отдельных социальных групп в экстремальных условиях военного времени, анализ солдатского фатализма и религиозности, особенностей самоощущения человека в боевой обстановке. Исследователи раскрывают специфику восприятия военных событий представителями разных родов и видов войск, их фронтовой быт, формирование образа «врага», взаимное восприятие союзников и противников в годы Великой Отечественной войны. Осмысление фронтового поколения как определенной социально-психологической общности позволяет говорить о противоречивости военного опыта, ставить проблемы выхода бывших фронтовиков из войны и их адаптации к мирной жизни [10]. Однако их решение пока далеко от завершения и требует новых исследований.

Значительное внимание российские историки в 1990-е гг. уделяли изучению менталитета советского общества. В то же время разработка данной проблемы исследователями военной темы сопровождалась порой произвольным сужением или расширением содержания понятий «менталитет» и «ментальность», использования их для характеристики совокупности всех представлений и чувств советского человека, массового сознания советского социума [11]. Подмена первоначального содержания указанных терминов ведет к утрате самой целесообразности их использования, обоснованной отсутствием в русском языке аналогов, адекватно передающих вкладываемый в данные категории смысл.

Еще в 1980-е гг. в рамках «истории женщин» возникло новое исследовательское направление, получившее свое название по категории «гендер», подчеркивающей социальный характер неравенства между полами. В настоящее время опубликованы первые гендерные исследования по истории Второй мировой войны, в частности, посвященные

положению женщин в немецких концлагерях и в партизанских отрядах. Однако возможности этого подхода в отечественной историографии пока не реализованы в полной мере, большинство российских исследований по проблеме, даже если и называется «гендерным», выполнено, скорее, в духе традиционной «истории женщин». Их авторы раскрывают устоявшиеся сюжеты, высчитывая общее количество женщин, работавших в тылу и воевавших на фронте, приводя примеры их героизма.

Обновление методологии и методики исследований сопровождается появлением новой научной терминологии, прежде всего за счет использования понятий, имеющих иностранное происхождение, а также употребляемых в смежных гуманитарных и социальных дисциплинах. Потребность в новой терминологии объясняется открытием новых областей изучения, новыми исследовательскими задачами, стоящими перед историками. Так, использование понятия «комбатант» (от французского слова «воин», «боец»), до этого применявшегося в международном праве в значении «непосредственный участник боевых действий в составе вооруженных сил или иррегулярных вооруженных формирований, партизанских отрядов», позволило Е. С. Сенявской охарактеризовать особый психологический тип личности, присущий «человеку воюющему».

Вместо понятий «предатели» и «изменники Родины» все чаще используется термин «коллорационисты». Во французском языке он имел сугубо негативное значение, но его иностранное происхождение придает ему в русском языке нейтральный характер, по сравнению с прежней терминологией. Вплоть до 1990-х гг. данный термин практически не использовался для обозначения сотрудничества с врагом на советской территории ни в отечественной, ни в зарубежной историографии и применялся только для характеристики подобных явлений в оккупированных агрессорами странах Европы и Азии. Свою роль играли идеологические предубеждения: в отношении советских коллаборационистов

отечественные историки применяли приведенные выше понятия, зарубежные – терминологию немецких документов, именуя их «освободителями» или «добровольцами».

В современной историографии Великой Отечественной войны приводятся новые оценки советского политического и общественного строя, характеризуется сложная система взаимоотношений коммунистической партии с государством и социумом, анализируется перестройка и функционирование системы государственного управления, выработка новых способов мобилизации масс на решение общегосударственных задач. В первой половине 1990-х гг. часть авторов, обращаясь к военной теме, опиралась на концепцию тоталитаризма, до этого широко распространенную в западной науке, и проводила сравнительные параллели между советским и германским режимами. В последние годы данную концепцию стали использовать в военно-исторических исследованиях гораздо реже, во многом по причине осознания ее политической и идеологической ангажированности, несоответствия конкретно-исторической реальности, чреватого в свою очередь упрощениями и искажениями.

Остро дискутируется роль И. В. Сталина в Великой Отечественной войне, в силу чего различными авторами дается разный ответ на вопрос о том, как была одержана победа – «благодаря» или «вопреки» ему, нередко зависящий от общей оценки советского строя. Современные исследователи раскрывают перестройку всей системы работы и основные направления деятельности органов власти в 1941–1945 гг., подчеркивая историческую обусловленность создания чрезвычайных структур не только обстоятельствами военного времени, но и предшествующим опытом функционирования советской государственной системы. Дальнейшей разработке подвергается кадровая политика и сам стиль сталинского руководства в военных условиях, его речевая практика, структура и деятельность Государственного комитета обороны СССР как высшего органа вла-

сти в стране, местных советов депутатов трудящихся и городских комитетов обороны [12]. В ряде исследований выявляются трудности и ошибки, допущенные властными структурами в организации хозяйственной деятельности и управлении социально-политическими процессами.

Немало сделано различными исследователями, историками и юристами, по изучению опыта функционирования советских правоохранительных органов в годы Великой Отечественной войны, особенно на оккупированной территории СССР, их вклада в развитие партизанского движения, борьбу с преступностью, беспризорностью и безнадзорностью детей и подростков, ведение разведки и контрразведки, взаимоотношений с другими властными структурами. Несмотря на шлейф «сенсационности» в изучении данной проблемы, как и других сюжетов, связанных с историей НКВД и НКГБ, в последнее время вышли исследования, авторы которых, опираясь на архивные документы, стремятся к взвешенным выводам. Отмечая, что в годы Великой Отечественной войны продолжались необоснованные репрессии против советских граждан, они не сводят к ним всю деятельность правоохранительных органов, подчеркивая необходимость укрепления государственной безопасности в военное время [13].

В то же время остаются нераскрытыми отдельные направления в деятельности различных государственных органов и общественных организаций СССР в условиях военного времени. В частности, отсутствуют обобщающие исследования функционирования системы советского правосудия, органов государственного и партийного контроля и других учреждений. Недостаточно изучены представляются и сам механизм реализации решений в системе государственного управления, взаимодействие центральных и местных органов власти, бюрократические процедуры и ритуалы, а также повседневная жизнь номенклатуры – советской правящей элиты – во время Великой Отечественной войны.

Переоценке подвергаются массовое сознание советского общества, духовная жизнь страны в период военного времени [14]. Российские историки указывают на преобладание в общественном сознании государственного патриотизма, истоки которого связываются уже не с коммунистической идеологией, а с традициями страны, анализируют формы и методы советской пропаганды, выполнявшей мобилизующие функции в военные годы. Наряду с этим признается, что значительная часть населения была настроена против советской власти, особенно в западных районах страны. Впервые обращается внимание на значительное распространение слухов в условиях военного времени, обусловленное неправдоподобностью сообщений в средствах массовой информации [15].

Новым сюжетом в рамках рассматриваемой темы стала история церкви и религиозной политики в СССР в 1941–1945 гг. Исследователи не только раскрывают патриотическую роль церкви в военное время, коллизии ее взаимоотношений с государственными органами в центре и на местах, но и показывают развитие религиозной жизни на оккупированной советской территории, сотрудничество части священнослужителей с противником [16]. В историографии отмечается развитие «народной» («бытовой») религиозности в условиях жестких ограничений деятельности религиозных организаций. При этом основная масса исследований посвящена Русской православной церкви и крайне редко касается судьбы других конфессий в военные годы.

Советская национальная политика и межнациональные отношения в СССР в 1941–1945 гг. вызывают повышенный интерес, во многом под влиянием современных этнополитических процессов, истоки которых связываются с событиями военного времени. Наиболее широко освещаются депортации народов СССР в годы Великой Отечественной войны. Опубликованные исследования и документы позволяют охарактеризовать депортации в целом, механизм их проведения, выяснить общее количество высе-

ленных граждан, раскрыть принудительное переселение немцев, карачаевцев, балкарцев, калмыков, чеченцев, ингушей, крымских татар, греков и представителей других народов [17].

Большинство исследователей оценивает депортации как антигуманные и незаконные акции, отдельные авторы называют их геноцидом в отношении репрессированных народов. В то же время причины депортаций получили разное объяснение. Ряд авторов сводит их к действиям тех или иных советских руководителей, прежде всего самого И. В. Сталина, а также Л. П. Берия, М. А. Суслова, противоречиям интересов отдельных группировок национальной номенклатуры. Другие видят истоки депортаций в природе советского тоталитаризма, объясняют их стремлением властей «упростить» этническую мозаику страны, связывают выселение народов с массовым развитием бандитизма и другими проявлениями антисоветских настроений. Немало внимания уделяется негативному воздействию депортаций на этнодемографическую ситуацию и социально-экономическое развитие отдельных регионов: в результате принудительного выселения некоторые народы оказались под угрозой полного исчезновения, значительно пострадала их культура, сокращались обрабатываемые площади, утрачивались прежние навыки животноводства и земледелия, традиционные ремесла. Отдельные исследования раскрывают сложности и противоречия реабилитации репрессированных народов [18].

Политизация в освещении данной проблемы нередко выражается в попытках заострить внимание на несправедливости только по отношению к конкретному народу, а не к депортациям в целом. В данной связи показательно появление версий, объясняющих, почему не были репрессированы другие советские народы, как правило, это связывается с их «славными» боевыми заслугами. Другие проявления межэтнических противоречий и конфликтов в СССР в годы Великой Отечественной войны изучены в значительно меньшей степени. Только в

последние годы вышли первые исследования, посвященные антисемитизму в СССР в военное время и Холокосту на оккупированных территориях [19].

В освещении экономического развития СССР в годы Великой Отечественной войны новые тенденции менее заметны. Тем не менее современные исследования содержат иные, чем раньше, оценки командной экономики и колхозного строя, в них подчеркивается жесткая централизация средств и управления в руках государства, сочетание энтузиазма советских людей с механизмами принудительного труда. Историки подвергают сомнению сроки перевода советской промышленности на «военные рельсы», приводят факты выпуска военной продукции на непригодных предприятиях, без квалифицированных кадров, порой сопровождавшиеся бессмысленными затратами труда и материалов [20].

Российские исследователи не столь оптимистичны и в оценках итогов эвакуации, признавая, что вывоз населения полностью осуществить не удалось, а перемещение сил и средств на Восток носило неподготовленный характер. В частности отмечают сложности, возникшие при проведении эвакуации населения южных районов в 1942 г., фактически сорванной из-за неожиданного для советского руководства наступления вермахта. Большинство историков в соответствии с традициями подчеркивает атмосферу дружбы, заботы и сотрудничества, сложившуюся в отношениях между эвакуированными и местными жителями. Отдельные авторы указывают на трудности в положении эвакуированных людей, приводят примеры проявлений межнациональной розни в местах их размещения [21].

Анализ советской социальной политики позволил охарактеризовать нормированное распределение и оплату труда, использование дополнительных ресурсов питания, медицинское обслуживание, социальное обеспечение, удовлетворение жилищно-бытовых потребностей населения в годы Великой Отечественной войны. В новейшей историографии поставлены проблемы повседневной

жизни населения, стратегий выживания отдельных социальных групп в годы войны, отмечается снижение жизненного уровня подавляющей части граждан, существенное ухудшение условий их жизни, здоровья, питания и жилья [22]. В то же время пока еще недостаточно раскрыты сложности санитарно-эпидемиологической обстановки, снабжения жителей продуктами питания в отдельных регионах, деятельность учреждений здравоохранения, образования и науки. Создание целостной картины социального развития и повседневной жизни населения в годы Великой Отечественной войны остается перспективной задачей, решение которой требует совместных усилий многих исследователей.

Позитивное значение имеет отказ от одномерного «черно-белого» изображения оккупации советских территорий, сводившегося в советской историографии исключительно к картинам массового насилия и террора захватчиков. Введение в научный оборот новых источников позволило дать комплексный анализ оккупационного режима, охарактеризовать структуру действовавших в захваченных районах органов власти и управления. Исследователи раскрыли различия во взглядах руководителей третьего рейха на судьбу советских территорий, разные направления оккупационной политики: экономическую и финансовую, социальную и национальную, меры, предпринятые оккупантами в сфере образования и здравоохранения, религии и культуры [23]. Однако воссоздание повседневной жизни населения захваченных областей, всего комплекса его взаимоотношений с оккупантами остается пока недостаточно полным.

В новых обобщающих и специальных трудах раскрываются трудности и просчеты в становлении и организации партизанского движения на оккупированной территории, деятельность органов НКВД по созданию партизанских отрядов, совершенствование форм и способов борьбы в тылу, ее особенности в разных регионах страны. Среди новых сюжетов, к которым обратились современные исследователи – вопросы повседневной

жизни и быта партизан, их сложные и порой противоречивые взаимоотношения с населением [24]. Ряд исследователей приводит примеры разложения дисциплины в отдельных партизанских отрядах, грабежа и истребления ими мирного населения. Основываясь на данных фактах, отдельные авторы подвергают резкой критике партизанское движение в целом, считая, что оно противоречило интересам мирных жителей, провоцируя репрессии оккупантов. Другие рассматривают их в качестве негативных исключений, доказывая, что партизанское движение развивалось при массовой поддержке большинства населения и стало одним из факторов победы в войне. Критике подвергается сталинское руководство, репрессировавшее перед Великой Отечественной войной кадры профессиональных разведчиков и диверсантов и допустившее немало ошибок в организации партизанского движения и подпольной борьбы. Эти оценки и выводы серьезно расходятся с прежними положениями советской историографии.

Предметом специального научного анализа в отечественной историографии стала проблема коллаборационизма [25]. Первые работы на данную тему, опубликованные в начале 1990-х гг., отличались фрагментарностью, недооценкой масштаба сотрудничества с противником. В настоящее время отказ от идеологических клише и привлечение новых источников позволили прийти к более достоверным выводам о природе и численности данного явления, выявить его мотивы и причины. К ним относят различные обстоятельства объективного и субъективного порядка: недовольство советским режимом, массовыми репрессиями, коллективизацией, национальной и религиозной политикой, тяжелое положение военнопленных и жителей оккупированных областей, их стремление выжить, личные устремления отдельных лиц.

Исследователи выделяют различные формы коллаборационизма в зависимости от сферы деятельности: военное, политическое, экономическое, административное, бытовое сотрудничество. Дру-

гие авторы разделяют «сознательный» коллаборационизм, связанный с неприятием советского государства и осознанным желанием содействовать оккупантам, и коллаборационизм «вынужденный», порожденный внешними по отношению к субъекту обстоятельствами, а также «псевдоколлаборационизм» как выполнение тех или иных функций в оккупационной администрации или полиции участниками народного сопротивления

Наиболее полно в современной историографии раскрыты вопросы участия советских граждан в вооруженных формированиях, воевавших на стороне третьего рейха [26], менее изучены невоенные формы сотрудничества, носившие самый массовый характер. Особое значение в последние два десятилетия уделялось Русской освободительной армии генерала А. А. Власова и Вооруженным силам Комитета освобождения народов России. Раскрывая их формирование и боевой путь, описывая историю других вооруженных частей и соединений из российских граждан, воевавших на стороне третьего рейха, историки в то же время расходятся в оценках их численности, называя цифры от нескольких сотен тысяч до 1–1,5 млн чел. Следует отметить и сохраняющиеся разногласия в общей оценке коллаборационистов: часть авторов, повторяя выводы западных историков, рассматривают их как активных борцов со сталинизмом, другие следуют советской традиции осуждения всех лиц, сотрудничавших с противником, третьи стремятся уйти от морально-этических категорий в оценках, обосновывая дифференцированный и взвешенный подход к проблеме.

Внимание исследователей впервые стали привлекать судьбы советских военнопленных и «восточных рабочих», большинство которых было угнано насильно на работу в Германию и зависимые от него страны. В современной историографии характеризуются условия труда и жизни «остовцев», а также проблемы репатриации перемещенных граждан, раскрывается их численность, правовой и социальный статус [27]. Однако в

освещении данных сюжетов все еще остается немало неизученных аспектов, включая социально-психологические последствия пребывания миллионов людей в третьем рейхе, сложности их последующей реадaptации, формы дискриминации при возвращении на Родину. Специальные работы посвящены истории русской эмиграции в годы Второй мировой войны [28]. Опубликованные исследования и документы характеризуют режим содержания иностранных военнопленных в СССР, их труд и медико-санитарное обеспечение, повседневную жизнь и «лагерную культуру», а также организацию политической работы с ними, репатриацию на родину [29].

Переосмыслению подвергается внешняя политика СССР периода Великой Отечественной войны и ее результаты. Российские историки раскрывают коллизии отношений между союзниками, взаимодействие лидеров «большой тройки», ставших «друзьями поневоле», отмечают сложность формирования антигитлеровской коалиции, раскрывают ее роль в координации борьбы против агрессоров [30]. Переоценке подвергается ряд аспектов данной проблемы, в частности ленд-лиз и его роль в обеспечении условий для достижения победы СССР в войне [31]. Впрочем, признание более существенным вклада союзников в достижение победы не влечет за собой пересмотра представлений о том, что именно Вооруженные силы СССР сыграли в ней главную роль.

Наряду с разработкой новых сюжетов, немало работ, вышедших в последние годы, на новых материалах раскрывающих устоявшиеся историографические сюжеты: героизм рабочего класса и крестьянства, вклад писателей, ученых, деятелей культуры в дело победы [32]. Широкий круг исследований посвящен боевому пути отдельных воинских подразделений и частей, судьбам полководцев и других участников Великой Отечественной войны. Особую дискуссию в последние годы вызвала роль маршала Г. К. Жукова. Часть историков характеризует его как самого яркого и талантливого советского военачальника, другие

авторы указывают на присущие ему жестокость, пренебрежение солдатскими жизнями.

Долгое время оставалось неизвестным точное количество людских потерь, понесенных страной в годы Великой Отечественной войны. Непосредственно после войны потери СССР были определены в 8 млн чел., позже, в период «оттепели», прозвучала цифра в 20 млн чел. В 1990-е гг. были опубликованы новые данные, согласно которым прямые людские потери страны оцениваются почти в 27 млн человек. Эта цифра включает и потери среди военнослужащих, и жертвы среди мирного населения, но не учитывает последствий снижения рождаемости в период войны, возрастания смертности в послевоенные годы и другие косвенные потери, исчисляемые специалистами в 23 млн человек.

В статистическом исследовании военных историков общие безвозвратные потери (убитые, пропавшие без вести, попавшие в плен и не вернувшиеся из него, умершие от ран, болезней и несчастных случаев) Вооруженных сил СССР вместе с пограничными и внутренними войсками были определены в 8868400 чел. В это число не вошли 939700 военнослужащих, пропавших без вести в начале войны, но вторично призванных в армию на освобожденной от оккупации территории в 1942–1945 гг., а также 1836 тыс. военнослужащих, возвратившихся из плена после окончания войны. Исследование составлялось на основе статистических материалов Генерального штаба, военных донесений, отчетов Центрального военно-медицинского управления и других архивных документов. Поэтому в нем не учитывались потери в частях народного ополчения, партизанских отрядах, специальных формированиях других ведомств, данные о которых не предоставлялись в Генеральный штаб [33]. По уточненным официальным данным, безвозвратные потери Вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне составили около 12 млн чел.

Обобщающие данные о потерях населения отдельных республик, краев, областей, городов и районов СССР в годы

войны удалось установить благодаря подготовке и изданию «Книг памяти». Списки составлялись на основе документов и материалов военкоматов, архивов и музеев, отделений обществ охраны памятников истории и культуры, советов ветеранов войны и труда, вооруженных сил и правоохранительных органов. Однако установить точную судьбу многих участников войны оказалось невозможно к моменту издания «Книг памяти», прежде всего из-за отсутствия полной и исчерпывающей информации, нередко в документах военного времени встречаются ошибки и опiski. Наиболее сложно установить имена тех, кто оказался похоронен за пределами России, а также находился в плену. Поэтому работа в данном направлении продолжается, в основном по инициативе отдельных энтузиастов, краеведов и поисковых отрядов.

Оживленный общественный интерес к вопросу о цене победы в войне в 1990-е гг. привел к появлению многочисленных публикаций, содержащих различные данные [34]. Их разброс достаточно велик, ряд авторов приводит цифры, намного превосходящие официальные данные, опираясь в основном на вычисления разницы между ожидавшейся численностью населения и данными, зафиксированными в ходе переписей в послевоенное время. Профессиональные исследователи проблемы нередко критически воспринимают подобные вычисления, полагая необходимым опираться на имеющиеся документы, не содержащие, впрочем, полных сведений.

Существенную роль в решении различных вопросов, касающихся как отдельных человеческих судеб, так и обобщающих данных, играют создание единой электронной базы данных участников войны, расширение доступности к уже имеющимся сведениям. Это позволит переоценить демографические последствия войны для советского и современного российского общества в целом и отдельных регионов, национальных и социальных групп в частности, деформации в возрастно-половой структуре населения и их негативные экономиче-

ские и социально-психологические последствия.

Достаточно перспективным представляется обращение исследователей и к вопросам отражения событий Великой Отечественной войны в памяти российского общества [35]. В работах по данной проблеме анализируются функции и формы воплощения памяти о войне в литературе и искусстве, музыке и кинематографе, монументах и средствах массовой информации, механизмы формирования героических символов и мифов войны, сам опыт осуществления политики памяти в России. Однако исследователям предстоит еще немало сделать, чтобы осознать, как происходило вытеснение тех или иных драматических фрагментов военного прошлого из социальной памяти, как переплетались официальная (публичная) и неформальная (приватная) культуры памяти, раскрыть влияние изменявшейся реальности на

трансформацию коллективных представлений о войне и их роль в жизни разных поколений россиян.

В целом современная историографическая ситуация создает значительно более благоприятные возможности для изучения Великой Отечественной войны, чем несколько десятилетий тому назад. Этому способствуют общая атмосфера в науке, расширение круга источников, появление новых подходов в осмыслении темы. Постепенно складывается новая картина событий военного времени, в большей степени соответствующая современным представлениям о достоверности исторического знания и сочетающая приверженность традиционным положениям и новые оценки. В то же время в истории Великой Отечественной войны еще сохраняется немало неизвестных или малоизученных проблем, к которым только предстоит обратиться исследователям.

Примечания

1. Карасев, А. В. Разработка истории Великой Отечественной войны [Текст] / А. В. Карасев // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. Сб. ст. – М. : Наука, 1962. – С. 511–525; Историография советского тыла периода Великой Отечественной войны [Текст]. Сб. ст. – М. : Ин-т истории СССР АН СССР, 1976. – 236 с.; КПСС – вдохновитель и организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне (Историографический очерк) [Текст]. – М. : Политиздат, 1973. – 262 с.; Историография Великой Отечественной войны [Текст]. Сб. ст. – М. : Наука, 1980. – 288 с.; Великая Победа: К 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов (Советская историография) [Текст]. – М. : ИНИОН АН СССР, 1985. – Ч. 1. – 250 с. – Ч. 2. – 223 с.; Великая Победа: Исторический пример героизма советского народа (Советская историография Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.) [Текст]. – М. : ИНИОН АН СССР, 1987. – Ч. 3. – 172 с.; Великая Отечественная война (историография) [Текст]. Сб. обзоров. – М. : ИНИОН, 1995. – 197 с. и др.

2. Кулиш, В. М. Советская историография Великой Отечественной войны [Текст] / В. М. Кулиш // Советская историография. – М. : РГГУ, 1996. – С. 280–281; Мерцалов, А. Н. Довольно о войне? [Текст] / А. Н. Мерцалов, Л. А. Мерцалова. – Воронеж : Изд.-полиграф. фирма «Воронеж», 1992. – 103 с.; Их же. Сталинизм и война. Из непрочитанных страниц истории (1930–1990-е) [Текст]. – М. : Родник, 1994. – 399 с.; Их же. Отечественная историография второй мировой войны. Некоторые итоги и проблемы [Текст] // Вопросы истории. – 1996. – № 9. – С. 145–157 и др.

3. Гареев, М. А. Об изучении истории Великой Отечественной войны [Текст] / М. А. Гареев // Новая и новейшая история. – 1992. – № 1. – С. 3–24; Золотарев, В. А. Проблемы изучения истории Великой Отечественной войны [Текст] / В. А. Золотарев // Новая и новейшая история. – 2000. – № 2. – С. 4–11; Куманев, Г. А. Подвиг и подлог: Страницы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [Текст] / Г. А. Куманев. – М. : Русское слово, 2000 и др.

4. Поляков, Ю. А. Историческая наука: люди и проблемы [Текст] / Ю. А. Поляков. – М. : РОССПЭН, 1999. – С. 78.
5. Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. В четырех книгах [Текст]. – М. : Наука, 1998. – Книга первая. Суровые испытания. – 544 с. – Книга вторая. Перелом. – 502 с. – 1999. – Книга третья. – Освобождение. – 510 с. – Книга четвертая. Народ и война. – 368 с.
6. Анфилов, В. А. Дорога к трагедии сорок первого года [Текст] / В. А. Анфилов. – М. : Акопов, 1997. – 304 с.; Бешанов, В. В. Год 1942 – «учебный» [Текст] / В. В. Бешанов. – Мн. : Харвест, 2003. – 624 с.; Ржешевский, О. А. Павлов. Тайна расстрелянного генерала [Текст] / О. А. Ржешевский. – М. : Вече, 2005. – 336 с.; Абрамов, В. Керченская катастрофа 1942 [Текст] / В. Абрамов. – М. : Яуза, Эксмо, 2006. – 352 с. и др.
7. Дзенискевич, А. Р. Блокада и политика обороны Ленинграда в политической конъюнктуре [Текст] / А. Р. Дзенискевич. – СПб. : Нестор, 1998. – 138 с.; Ковальчук, В. М. 900 дней блокады: Ленинград 1941–1944 [Текст] / В. М. Ковальчук. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2005. – 236 с.; Лебедев, Ю. М. По обе стороны блокадного кольца [Текст] / Ю. М. Лебедев. – СПб. : Нева, 2005. – 384 с.; Память о блокаде. Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества. Материалы и исследования [Текст]. – М. : Новое издательство, 2006. – 392 с. и др.
8. Филюшкин, А. И. Методологические инновации в современной российской исторической науке (вместо предисловия) [Текст] / А. И. Филюшкин // АСТЮ NOVA 2000 (сб. науч. ст.). – М. : Глобус, 2000. – С. 7–8.
9. См.: Сенявская, Е. С. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки [Текст] / Е. С. Сенявская // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. – М. : РОССПЭН, 2002. – С. 5–22; Кринко, Е. Ф. Антропологический ракурс в изучении истории Великой Отечественной войны [Текст] / Е. Ф. Кринко // Человек на исторических поворотах XX века. – Краснодар : Изд-во «Кубанькино», 2006. – С. 100–107.
10. Сенявская, Е. С. 1941–1945: Фронтовое поколение: Историко-психологическое исследование [Текст] / Е. С. Сенявская. – М. : ИРИ РАН, 1995. – 220 с.; Ее же. Человек на войне: Историко-психологические очерки [Текст] / Е. С. Сенявская. – М. : ИРИ РАН, 1997. – 231 с.; Ее же. Психология войны в XX веке: Исторический опыт России [Текст] / Е. С. Сенявская. – М. : РОССПЭН, 1999. – 383 с. и др.
11. Зима, В. Ф. Менталитет народов России в войне 1941–1945 годов [Текст] / В. Ф. Зима. – М. : ИРИ РАН, 2000. – 279 с.
12. Горьков, Ю. А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945): Цифры, документы [Текст] / Ю. А. Горьков. – М. : Олма-Пресс, 2002. – 575 с.; Черепанов, В. В. Власть и война. Сталинский механизм государственного управления в Великой Отечественной войне [Текст] / В. В. Черепанов. – М. : Изд-во «Известия», 2006. – 496 с. и др.
13. Коровин, В. В. Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны [Текст] / В. В. Коровин. – М. : Русь, 2003. – 312 с.; Попов, А. Ю. НКВД и партизанское движение [Текст] / А. Ю. Попов. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 382 с.; Тряхов, В. Н. ГУЛАГ и война: жестокая тайна документов [Текст] / В. Н. Тряхов. – Пермь : Пушка, 2005. – 399 с.; Чертопруд, С. НКВД – НКГБ в годы Великой Отечественной войны: неизвестные страницы [Текст] / С. Чертопруд. – М. : Яуза, Эксмо, 2005. – 185 с.; Звягинцев, В. Война на весах Фемиды: война 1941–1945 гг. в материалах судебно-следственных дел [Текст] / В. Звягинцев. – М. : Терра – Книжный клуб, 2006. – 768 с. и др.
14. Козлов, Н. Д. Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) [Текст] / Н. Д. Козлов. – СПб. : Ленинград. обл. ин-т усовершенствования учителей, 1995. – 140 с.; Кондакова, Н. И. Духовная жизнь России и Великая

Отечественная война 1941–1945 гг. [Текст] / Н. И. Кондакова. – М. : Луч; Фонд 900-летия Рязани, 1995. – 203 с. и др.

15. Кринко, Е. Ф. История Второй мировой войны в слухах [Текст] / Е. Ф. Кринко // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. Научный журнал. – 2008. – Вып. 1–2 (3–4). Март – июнь. – С. 194–203.

16. Васильева, О. Ю. Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. [Текст] / О. Ю. Васильева. – М. : ИРИ РАН, 2001. – 214 с.; Чумаченко, Т. А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 [Текст] / Т. А. Чумаченко. – М. : АИРО-XX, 1999. – 248 с.; Шкаровский, М. В. Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь [Текст] / М. В. Шкаровский. – М. : Вече, 2007. – 512 с. и др.

17. Бугай, Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» [Текст] / Н. Ф. Бугай. – М. : АИРО-XX, 1995. – 320 с.; Бугай, Н. Ф. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы) [Текст] / Н. Ф. Бугай, А. М. Гонов. – М. : ИНСАН, 1998. – 365 с.; Хунагов, А. С. «Выселить без права возвращения...». Депортация народов Юга России. 20–50-е годы (на материале Краснодарского и Ставропольского краев) [Текст] / А. С. Хунагов. – Майкоп : Меоты, 1999. – 170 с. и др.

18. Народы России: проблемы депортации и реабилитации [Текст]. Сб. ст. – Майкоп: Меоты, 1997. – 198 с.; Эдиев, Д. М. Демографические потери депортированных народов СССР [Текст] / Д. М. Эдиев. – Ставрополь : Ставропольсервисшкола, 2003. – 336 с. и др.

19. Абрамович, А. Л. В решающей войне. Участие и роль евреев в войне против нацизма / А. Л. Абрамович. – СПб. : Деан, 1999. – 743 с.; Костырченко, Г. В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм [Текст] / Г. В. Костырченко. – М.: Международные отношения, 2001. – 784 с.; Альтман, И. А. Жертвы ненависти: Холокост в СССР, 1941–1945 гг. [Текст] / И. А. Альтман. – М. : Фонд «Ковчег», Коллекция «Совершенно секретно», 2002. – 541 с.

20. Селюнин, В. А. Промышленность и транспорт Юга России в войне 1941–1945 гг. Изд. 2-е, перераб. и доп. [Текст] / В. А. Селюнин. – Ростов-на-Дону : Книж. изд-во, 1997. – С. 113–120.

21. Потемкина, М. Н. Эвакуация и национальные отношения в советском тылу в годы Великой Отечественной войны (на материалах Урала) [Текст] / М. Н. Потемкина // Отечественная история. – 2002. – № 3. – С. 151–152.

22. Кожурин, В. С. Неизвестная война. Деятельность Советского государства по обеспечению условий жизни и труда рабочих в годы Великой Отечественной войны [Текст] / В. С. Кожурин. – М. : АОН при ЦК КПСС, 1990. – 288 с.; Зинич, М. С. Будни военного лихолетья. 1941–1945 [Текст] / М. С. Зинич. – М. : Институт российской истории РАН, 1994. – Вып. 1. – 125 с. – Вып. 2. – 143 с. и др.

23. Ковалев, Б. Н. Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России (1941–1944 гг.) [Текст] / Б. Н. Ковалев. – Новгород : Великий Новгород, 2001. – 482 с.; Соколов, Б. В. Оккупация. Правды и мифы [Текст] / Б. В. Соколов. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2002. – 352 с.; Линец, С. И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.) [Текст] / С. И. Линец. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦВШ, 2003. – 564 с. и др.

24. Боярский, В. И. Партизаны и армия. История упущенных возможностей [Текст] / В. И. Боярский. – Мн.: Харвест; М. : АСТ, 2001. – 304 с.; Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.). – Жуковский; М. : Кучково поле, 2001. – 464 с.; Соколов, Б. В. Фронт за линией фронта. Партизанская война 1939–1945 гг. [Текст] / Б. В. Соколов. – М. : Вече, 2008. – 432 с. и др.

25. См. подробнее: Кринко, Е. Ф. Коллаборационизм в СССР в годы Великой Отечественной войны и его изучение в российской историографии [Текст] / Е. Ф. Кринко // Вопросы истории. – 2004. – № 11. – С. 153–163.

26. Семиряга, М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны [Текст] / М. И. Семиряга. – М. : РОССПЭН, 2000. – 863 с.; Дробязко, С. И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил. 1941–1945 гг. [Текст] / С. И. Дробязко. – М. : Изд-во Эксмо, 2004. – 608 с.; Чуев, С. Проклятые солдаты [Текст] / С. Чуев. – М. : Эксмо; Яуза, 2004. – 576 с.; Александров, К. Русские солдаты Вермахта: герои или предатели [Текст] / К. Александров. – М. : Яуза, Эксмо, 2005. – 752 с.; Крикунов, П. Н. Казаки между Гитлером и Сталиным. Крестовый поход против большевизма [Текст] / П. Н. Крикунов. – М. : Яуза; Эксмо, 2005. – 608 с.; Романько, О. Советский легион Гитлера. Граждане СССР в рядах вермахта и СС [Текст] / О. Романько. – М. : Издатель Быстров, 2006. – 640 с. и др.

27. Полян, П. М. Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация [Текст] / П. М. Полян. – М. : Ваш выбор ЦИРЗ, 1996. – 442 с.; Его же. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР [Текст] / П. М. Полян. – М. : Мемориал, 2001. – 328 с.; Земсков, В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960 [Текст] / В. Н. Земсков. – М. : Наука, 2003. – 306 с. и др.

28. Цурганов, Ю. С. Неудавшийся реванш: Белая эмиграция во Второй мировой войне [Текст] / Ю. С. Цурганов. – М. : Intrada, 2001. – 286 с.; О कोरोков, А. В. Фашизм и русская эмиграция (1920–1945 гг.) [Текст] / А. В. О कोरोков. – М. : Русаки, 2001. – 593 с. и др.

29. Конасов, В. Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР. Дипломатические, правовые и политические аспекты: очерки и документы [Текст] / В. Б. Конасов. – Вологда : Изд-во Вологодского ИПК и ППК, 1996. – 320 с.; Сидоров, С. Г. Труд военнопленных в СССР. 1939–1956 гг. [Текст] / С. Г. Сидоров. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2001. – 428 с. и др.

30. Иванов, Р. Ф. Общественно-политические силы СССР и США в годы войны [Текст] / Р. Ф. Иванов, Н. К. Петрова. – Воронеж : Изд-во ВорГУ, 1995. – 328 с.; Иванов, Р. Сталин и союзники. 1941–1945 гг. [Текст] / Р. Иванов. – Смоленск : Русич, 2000. – 592 с.

31. Супрун, М. Н. Ленд-лиз и северные конвои. 1941–1945 гг. [Текст] / М. Н. Супрун. – М. : Андреевский флаг, 1997. – 364 с.; Бутенина, Н. В. Ленд-лиз: сделка века [Текст] / Н. В. Бутенина. – М. : ГУ ВШЭ, 2004. – 312 с. и др.

32. Кондакова, Н. И. Интеллигенция России, 1941–1945 [Текст] / Н. И. Кондакова, В. Н. Маин. – М. : Луч, 1995. – 250 с.; Гракина, Э. И. Ученые России в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. [Текст] / Э. И. Гракина. – М. : ИРИ РАН, 2000. – 388 с.; Анисков, В. Т. Крестьянство против фашизма, 1941–1945: история и психология подвига [Текст] / В. Т. Анисков. – М. : Памятники исторической мысли, 2003. – 502 с. и др.

33. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование [Текст]. – М. : Воениздат, 1993. – 415 с.

34. Людские потери СССР в период второй мировой войны [Текст]. – Сб. ст. – СПб. : ИРИ РАН, Изд-во «Русско-Балтийский информ. центр БЛИЦ», 1995. – 192 с.

35. Дружба, О. В. Великая Отечественная война в сознании советского и постсоветского общества: динамика представлений об историческом прошлом [Текст] / О. В. Дружба. – Ростов-на-Дону : Изд. центр ДГТУ, 2000. – 212 с.; Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа [Текст]. – М. : Новое литературное обозрение, 2005. – 784 с. и др.